

Видо-временные системы лезгинских языков

2. Формы на основе локативной модели

В первой части нашего обзора видо-временных систем лезгинских языков [Майсак 2007] были рассмотрены глагольные формы, реализующие «целевую модель», т. е. восходящие к структуре со значением наличия у субъекта определенной цели либо намерения/долженствования совершить действия («для того, чтобы Р»). Как правило, целевая модель в языках лезгинской группы представлена аналитическими формами, включающими инфинитив («целевую форму») и именную связку; в большинстве случаев такие формы через обозначение намерения или долженствования становятся основными средствами выражения будущего времени.

Во второй части цикла мы рассмотрим те глагольные формы лезгинских языков, которые реализуют другую распространенную структуру — речь пойдет о «локативной модели», значение которой можно условно передать как «находиться внутри (ситуации)». Как правило, в глагольных парадигмах лезгинских языков данная модель представлена формами, включающими деепричастие несовершенного вида и глагол со значением нахождения внутри. В связи с этим, ниже в разделе 1 мы подробнее остановимся на противопоставлении именных связок и локативных глаголов в лезгинских языках; в разделе 2 будут представлены примеры глагольных форм, реализующих классическую локативную модель («деепричастие + глагол «находиться внутри»»). Раздел 3 посвящен особому подтипу локативной модели, о котором, по нашему мнению, следует говорить применительно к удинскому языку (в котором собственно локативный компонент выражен не вспомогательным глаголом, а падежной формой отглагольного имени). Наконец, в разделе 4 приводятся типологические параллели локативным глагольным формам лезгинских языков, а также обсуждается проблема реконструкции «локативных презенсов» на общелезгинском уровне.

1. Именные связки и локативные глаголы в лезгинских языках

В большинстве лезгинских языков наряду с именной связкой «быть, являться», которая используется прежде всего в предложениях идентификации и характеристики с неглагольным сказуемым, отмечается также один или несколько локативных глаголов со значением «быть, находиться», описывающих существование и местоположение (в литературе их иногда называют «локатив-

ными связками»)¹. Морфологически те и другие близки, поскольку являются дефектными стативными предикатами и обладают редуцированной парадигмой — как правило, из финитных форм у них представлено только настоящее и прошедшее время, при этом основные словоизменительные формы нередко супплетивны.

Так, в литературном ЛЕЗГИНСКОМ языке именная связка имеет вид *я* в настоящем времени, *тир* в прошедшем (отрицательные формы, соответственно, *туш* и *тушир*). В группу локативных стативных предикатов входят лексемы *ав-а* ‘находиться внутри’, *ал-а* ‘находиться сверху’, *гал-а* ‘находиться сзади либо рядом’, *гв-а* ‘находиться рядом’ и *кв-а* ‘находиться под либо в контакте’ [Гайдаров и др. 2009: 166 и сл.] — исторически все они происходят от одного корня и образованы при помощи пространственных префиксов. В АГУЛЬСКОМ языке именная связка *е* (прошедшее время *ij*) противопоставлена локативному глаголу *а* ‘находиться’, имеющему, по диалектам, до восьми префиксальных производных, ср. *аа* ‘находиться внутри’, *ʒаа* ‘находиться между либо в сплошной массе’, *qaa* ‘находиться сзади’, *faa* ‘находиться рядом’, *haa* ‘находиться перед’, *kea* ‘находиться под либо в контакте’, *aldea* ‘находиться сверху’². Сходная ситуация наблюдается и в ТАБАСАРАНСКОМ языке: так, в южном его диалекте отмечается именная связка *и* и локативные глаголы *а*, *в’а*, *qа*, *ха*, *ha*, *ка*, *кa*, *al*, аналогичные по значению агульским [Магометов 1965: 240]. Ср. типичные примеры употребления именной связки (в предложении характеристики) и локативного глагола из агульских текстов:

(1) fezzullah ze taj е.
Фейзуллах мой ровесник СОР
Фейзуллах мой ровесник.

(2) çe nür.i-? jeri pir а-а.
наш:EXCL село-IN семь пир IN.БЫТЬ-PRS
*У нас в селе **есть** семь пиров (священных мест).*

В РУТУЛЬСКОМ языке наряду с именной связкой *й-иъи* (с начальным классным префиксом) имеется сходный набор префиксальных локативных глаголов

¹ Как правило, локативные глаголы используются также в посессивных предложениях, выражающих обладание — ‘у X-а есть Y’. Заметим, что (стативные) локативные глаголы лезгинских языков являются частным случаем бытийных глаголов в традиционном понимании. Термин «локативный глагол» мы предпочитаем в связи с тем, что в лезгинских языках лексемы соответствующей группы содержат определенный (префиксальный) показатель локализации.

² Здесь приводятся формы из хпюкского диалекта (имеющего семь префиксов локализации); подробнее о хпюкских локативных глаголах см. [Майсак, Мерданова 2002]. Приводимые ниже примеры заимствованы из текстов, записанных в с. Хпюк Д. С. Ганенковым, С. Р. Мердановой и автором настоящей статьи.

— *ъа* ‘находиться внутри’, *зи* ‘находиться под’, *ки* ‘находиться в составе’, *ха* ‘находиться рядом либо при себе’, *гъа* ‘находиться сверху’, *хъу* ‘находиться сзади’ [Махмудова 2001: 166]. В КРЫЗСКОМ энклитическая именная связка также изменяется по классам, а группа локативных глаголов включает лексемы *ѓа-ѓа* ‘находиться внутри’, *ѓа-ѓа* ‘находиться в сплошной массе’, *ке-ѓа* ‘находиться под или перед’, *ки-ѓа* ‘находиться сверху’, *ва-ѓа* ‘находиться в контакте’, *су-ѓа* ‘находиться’ (последний имеет нейтральное значение), ср. примеры из [Authier 2010a]:

(3) *zin q'arvand-e.*

я пастух=СОР.М

Я пастух.

(4) *aru-ѓ kut-ula sasila tike jit ѓаѓа.*

пчела-GEN корзина-IN немного кусок мед IN.БЫТЬ.PRS

*В улье **есть** немного меда.*

В УДИНСКОМ языке представлена только одна связка *бу*, хотя указанное выше противопоставление функционально все равно имеет место (по крайней мере в ниджском диалекте) — *бу* выступает в бытийных предложениях, тогда как предложения идентификации и характеристики не сопровождаются каким-либо связочным элементом, ср.:

(5) *bezi kalna-j rop-ur mac:i-ne.*

мой бабушка-GEN волосы-PL белый=3SG

Волосы моей бабушки белые. [Aydinov, Keçaari 1996: 35]

(6) *aiz-e ѓib orajin=e бу.*

село-LOC три родник=3SG СОР

*В селе **есть** три родника.* [Aydinov, Keçaari 1996: 26]

Наконец, в некоторых языках лезгинской группы противопоставление именной связки и локативного глагола отсутствует — в них представлены только общие связки, употребляемые как в предложениях идентификации и характеристики, так и в бытийных и посессивных предложениях. К таким языкам относятся АРЧИНСКИЙ (связка *-i* с классными префиксами), ЦАХУРСКИЙ (связка *wo-* с классными суффиксами) и БУДУХСКИЙ (неизменяемая связка с вариантами *wi* || *i*, выбираемыми в зависимости от позиции), ср. примеры из первого из них:

(7) *adam inžit ar-tru bošor w-i to-w.*

человек беспокойство делать.IPF-PART мужчина.I I-СОР ЭТОТ-I

Он — человек, надоедающий людям. [Кибрик 1977: 244]

(8) *uxurčaj marx:äla b-i.*

поле.PL.IN снег.III III-СОР

*На полях **лежит** снег.* [Кибрик 1977: 160]

Данные по именным связкам и локативным глаголам лезгинских языков суммированы в таблице 1 (знаком || разделены варианты; в столбце «Локативный глагол» приводится только лексема со значением ‘находиться внутри’).

Таблица 1. *Именные связки и локативные глаголы.*

Язык	Именная связка	Локативный глагол
АГУЛЬСКИЙ (хпюкский дт.)	<i>e</i>	<i>a, aa aja</i>
КРЫЗСКИЙ (алыкский дт.)	<i>-ya -e, -yu</i> и пр. (изменяются по классу)	<i>ʔaʒa</i>
ЛЕЗГИНСКИЙ (лит.)	<i>ja</i>	<i>awa</i>
РУТУЛЬСКИЙ (мухадский дт.)	<i>w-iʔi, j-iʔi</i> и пр. (с классн. префиксами)	<i>ʔa</i>
ТАБАСАРАНСКИЙ (южный дт.)	<i>wi</i>	<i>a</i>
УДИНСКИЙ (ниджский дт.)	—	<i>bu</i>
Язык	Общая связка	
АРЧИНСКИЙ	<i>w-i, b-i</i> и пр. (с классн. префиксами)	
БУДУХСКИЙ	<i>wi i</i>	
ЦАХУРСКИЙ (мишлешский дт.)	<i>wo-r, wo-b, wo-d</i> и пр. (с классн. суффиксами)	

По мнению исследователей, различие именной и локативной связки можно проецировать на ПРАЛЕЗГИНСКИЙ уровень. Так, работе [Nikolayev, Starostin 1994: 252] противопоставление пралезгинских бытийных глаголов **ʔa* и *ʔi* связывается с аблаутом вида **a / *i*. Чуть иная точка зрения представлена у М. Е. Алексева, который возводит на общелезгинский уровень лексемы **aɣʔa* (которая выражала «действие, связанное с конкретным моментом») и **e* (которая выражала «действие, происходящее вне связи с конкретным моментом»), при этом они также имели классные префиксы либо суффиксы [Алексеев 1985: 97—98]. По мнению же В. Шульце, для единиц с начальными *b-* (удинское *bu*) и *w-* (цахурское *wo-*, табасаранское *wi*, крызское *wi*) следует постулировать отдельный пралезгинский архетип **bwə*, не считая *b-/w-* лексикализованной классной морфемой [Schulze 2001: 261].

Именная связка и локативные глаголы в лезгинских языках относятся к основным вспомогательным глаголам, выступающим в аналитических формах; именно локативная связка в большинстве языков является неотъемлемым компонентом глагольных структур, построенных на основе локативной модели, к рассмотрению которых мы и переходим.

2. Локативная модель «деепричастие + глагол ‘находиться (внутри)’»

В большинстве языков лезгинской группы глагольные формы, в основе которых лежит локативная модель, построены единообразно: они включают деепричастие несовершенного вида и постпозитивный вспомогательный глагол ‘на-

ходиться внутри' (в настоящем либо прошедшем времени). Исходную семантику таких конструкций можно буквально передать как «делая, находится». Все эти формы в современных языках имеют обобщенное презентное значение (в случае, если вспомогательный глагол имеет форму настоящего времени) либо, соответственно, значение прошедшего времени несовершенного вида, или имперфекта (в случае, если вспомогательный глагол имеет форму прошедшего времени).

В АГУЛЬСКОМ языке основная форма презенса представляет собой сочетание деепричастия несовершенного вида на *-j* (по диалектам, также *-ji*, *-ri* или *-di*) и глагола *a*. Эти форма подвергается морфологизации, с постепенным превращением из аналитической в синтетическую, ср. хпюкское *aq'aa* 'делает' из исходного *aq'aja* (< *aq'a-j a* 'делая находится') [Мерданова 2004: 72—73]. В диалектах ТАБАСАРАНСКОГО языка аналогичная по структуре форма образуется сочетанием деепричастия несовершенного вида на *-ri* или *-di* и локативного глагола *a*, *aʔa* [Магометов 1965: 249—250]. В обоих языках имперфект морфологически (и семантически) параллелен презенсу и включает локативный глагол в прошедшем времени.

Проиллюстрируем употребление презенса и имперфекта на примере литературного табасаранского языка, где сочетание деепричастного суффикса *-ri* с вспомогательным глаголом *a*, *айи*, как правило, выступает в стяженном виде *-ра*, *-райи*³:

(9) Адаш.ди укI у.б.шву-р-а.
отец.ERG трава.III III.косить-CONV-PRS
Отец траву косит. [Курбанов 2001: 463]

(10) Къаби швеъ яваш-ди гъарз-к-ан кту.б.чIву-р-айи.
старый медведь.III медленный-ADV скала-CONT-ELAT III.спускаться-CONV-PST
Старый медведь медленно со скалы спускался. [Курбанов 2001: 459]

В РУТУЛЬСКОМ языке идентификация форм, восходящих к локативной модели, также не представляет затруднений — ср. «настоящее неопределенное» время типа *кирхъере а* 'пишет' и его аналог в плане прошедшего *кирхъере ай* 'писал', состоящие из деепричастия несовершенного вида и локативного глагола [Махмудова 2001: 128—129], приведем примеры из лучекского диалекта:

(11) һув^wal kirʔe-r а.
дождь начинаться.IPF-CONV LOCCOP
Дождь начинается. [Alekseev 1994: 232]

(12) паq'a nin.i jɪва наχ^ʕ-maʔ lejga-r аj.
вчера мать.ERG днем вечер-до шить.IPF-CONV LOCCOP:PST
Вчера мать весь день шила. [Alekseev 1994: 232]

³ В случаях, когда бывший вспомогательный глагол полностью морфологизован в составе видо-временной формы, мы условно глоссируем его просто как PRS (или, соответственно, PST), а не как 'находиться'.

(15) ...хиял-р-ай ам гъуьл-уьхъ гала-з **раха-з-вай.**
 мысль-PL-IN.ELAT она муж-POST быть.рядом-CONV.IPF **говорить-CONV.IPF-PST**
 (Она не могла их держать в сердце, поэтому) ...она в мыслях **разговаривала** с мужем. [Гайдаров и др. 2009: 451]

По нашему мнению, лезгинский презенс и имперфект, иллюстрируемые примерами (14) и (15), восходят к именно сочетанию деепричастия несовершенного вида и локативного глагола, а не к сочетанию с целевой формой. Как уже было показано ранее, «целевая модель» в лезгинских языках, приводит прежде всего к появлению форм будущего времени (на основе модального значения намерения/долженствования), а не к появлению имперфективных форм — для возникновения последних наиболее характерны как раз исходные конструкции с деепричастиями образа действия типа «делая есть», «делая находится». Во-вторых, для лезгинских языков вообще не характерно сочетание инфинитива с локативным глаголом ‘находиться’ в качестве вспомогательного глагола (инфинитивы сочетаются только с именными связками).

Наконец, КРЫЗСКИЙ язык интересен тем, что в нем мы сталкиваемся, по всей видимости, с видо-временной формой от локативной модели на ранней стадии грамматикализации. Наряду с основной формой настоящего времени в крызском имеется более периферийная конструкция, выражающая акутально-длительное значение (“progressif constatif”, в терминологии Ж. Отье), ср. из алыкского диалекта⁶:

(16) ik-re ki sa-b buʔu aʒdaħa ʒaʃħva-ra ʒaʒu.
 видеть-PRS КИ один-F большой аждаха **Ф.приблизиться-CONV** LOCCOP.F
 Он видит, что к нему **приближается** огромное чудище. [Authier 2010a]

Таким образом, видо-временные формы на основе локативной модели представлены во всех тех языках лезгинской группы, в которых имеется локативная связка ‘быть, находится’. В ЦАХУРСКОМ, БУДУХСКОМ и АРЧИНСКОМ языках, обладающих лишь общей связкой, форм по локативной модели не засвидетельствовано. В УДИНСКОМ языке бытийный глагол *bu* в аналитических формах не используется. Тем не менее, локативная модель представлена в этом языке, хотя и в другой ее разновидности.

3. Отыменная локативная конструкция в удинском языке

Настоящее время на *-(e)sa* в УДИНСКОМ языке является максимально обобщенной презентной формой, которая покрывает самый широкий круг употреблений: она описывает актуально-длительные и дуративные процессы, состоя-

⁶ Обратим также внимание, используемое что в данном случае деепричастие образа действия на *-ra(ʕ)* этимологически содержит показатель инэссива *-a(ʕ)* [Authier 2010b] — тем самым, локативное значение фактически выражается в форме прогрессива дважды, в самом деепричастии и во вспомогательном глаголе ‘находиться внутри’ с префиксом *ʒa-*.

ния, а также хабитуальные ситуации и помимо этого используется в качестве нарративного времени («настоящего исторического»). Имперфект образуется от презенса при помощи частицы *=j* — показателя прошедшего времени, способного присоединяться ко всем основным видо-временным формам, сдвигая их временную референцию в план прошлого⁷. Ср. следующие примеры из ниджского диалекта, иллюстрирующие типичные употребления данных форм:

(17) *käpräš-än zavot:-a=ne äš-b-esa.*

Кепреш-ERG завод-DAT=3SG **работать-LV-PRS**

Кепреш работает на заводе. [Aydınov, Keçaarı 1996: 41]

(18) *sa vi šähär-e=jan taj-sa=j.*

один день город-LOC=1PL **уходить-PRS=PST**

Как-то раз мы ехали в город. {Вдруг на одном мосту наша машина остановилась.} [Aydınov, Keçaarı 1996: 54]

Морфологически связь показателя презенса с формой инфинитива очевидна: инфинитив в удинском языке образуется при помощи суффикса *-es*, восходящему к пралезгинскому дательному падежу (см. выше). Слегка упрощая ситуацию, можно сказать, что удинский презенс образуется от инфинитива путем прибавления к нему суффикса *-a*, ср. *äš-b-es* ‘работать’ ~ *äš-b-es-a* ‘работает’, *taj-es* ‘уходить’ ~ *taj-es-a* ‘уходит’ и т. п.⁸ Единственное исключение — это глагол ‘говорить’, имеющий супплетивную форму настоящего времени *neχ* без аффикса *-(e)sa* (при инфинитиве *p-es*).

Далеко не очевидным является, однако, происхождение самого показателя *-a*, а именно этот вопрос можно считать ключевым для выяснения истории удинского презенса. По мнению немецкого исследователя В. Шульце, крупнейшего специалиста по удинскому языку, в данной форме реализуется та же модель «инфинитив + глагол-связка», которую мы наблюдаем в ряде других родственных языков: в качестве параллели приводятся, с одной стороны, ЛЕЗГИНСКИЙ презенс типа *qačuz-wa* ‘берет’ (< *qaču-z + awa*) и, с другой стороны, АГУЛЬСКОЕ будущее время типа *aq’as-i* ‘сделает’ (< *aq’a-s + i*). Что же касается суффикса *-a*, то в нем предлагается видеть морфологизованный вспомогательный глагол **a*, родственный локативным связкам современных лезгинских языков. Поскольку, как правило, сочетания инфинитива и связки превращаются в лезгинских языках в формы будущего времени, В. Шульце предлагает считать, что и удинские формы типа *aqi-sa* ‘берет’ (< инфинитив *aqi-es* + утраченная

⁷ Подробнее о глагольной парадигме ниджского диалекта удинского языка см. [Майсак 2008а], а об употреблении удинского презенса и имперфекта — [Майсак 2008б: 164—168].

⁸ В действительности, в ниджском диалекте гласный */e/* в показателе презенса выпадает, так что приведенные выше формы реально произносятся как *äš-pi-sa* ‘работает’ (с ассимиляцией */b/ > /p:/*), *taj-sa* ‘уходит’ и т. п. Аналогичное выпадение происходит и в падежных формах инфинитива, о чем будет также сказано ниже.

связка *a) изначально также возникли как будущее время, и лишь затем в ходе семантической эволюции превратились в имперфективные презентные формы [Schulze 1982: 153—154; Schulze-Fürhoff 1994: 509, fn. 32].

Такой подход не представляется нам убедительным по целому ряду оснований. Во-первых, приводимые в качестве примеров лезгинский презенс и агульский футурум реализуют, по нашему мнению, две различные модели — соответственно локативную («делая, находится») и целевую («чтобы сделать, есть»), так что удинский презенс можно сравнивать только с какой-нибудь одной из них, но не с обеими. Во-вторых, нет никакого независимого подтверждения того факта, что в удинском языке вообще существовала связка типа *a — если ее можно постулировать только в показателе презенса *-(e)sa*, то получается, что никаких других «следов» в удинском языке она не оставила. В-третьих, крайне сомнительной представляется сама идея об эволюции футуральной формы в презентную — для языков мира характерно прежде всего обратное развитие (из настоящего времени в будущее), да и круг современных употреблений удинской формы на *-(e)sa* не дает каких-либо оснований предполагать, что эта форма раньше имела футуральное значение, а не возникла изначально именно как презентная форма.

Иной сценарий диахронического развития удинского презенса, предложенный в работе [Майсак 2008б: 169—172], исходит из явного морфологического параллелизма между презентным окончанием *-(e)sa* и дательным падежом инфинитива *-(e)s-a*. Инфинитив на *-es* в удинском языке склоняется, и одной из его наиболее употребительных падежных форм является именно датив на *-a* — в современном языке эта форма используется в целевых придаточных (см. (19)), а также оформляет сентенциальное дополнение у глагола *burq-es* ‘начинать’ (см. (20)):

(19) ...mälim-i t:oIv **zom-bak-s-a:t:un** tac-e...
учитель-GEN возле **учиться-LV-INF-DAT=3PL** уходить-PERF
...они ходили к учительнице **учиться**.

(20) t:e iŝq:ar-en bur-e-q-i **äči-p-s-a.**
тот мужчина-ERG начинать=3SG=ST-AOR **танцевать-LV-INF-DAT**
(Когда пастух заиграл на свирели,) мужик начал **танцевать**.

Как известно, исторически исходным для удинского датива на *-a* является локативное значение — восходит он к общелезгинскому инэссиву [Бокарёв 2006 (1960): 123; Schulze 1982: 250, 255] и в современном языке, наряду с маркированием адресата и прямого объекта, используется для обозначения направления и местонахождения (ср. *koj-a* ‘домой’ или ‘дома’). По нашему мнению, именно к форме дательного падеже на *-a* от инфинитива, в ее локативном значении, и восходит удинский презенс⁹. Форма презенса, тем самым, построена на

⁹ Скорее всего, изначально в состав презентной конструкции входила и именная связка

основе отглагольного образования со значением типа ‘в делании, в процессе осуществления действия’. Фактически мы имеем здесь еще один случай локативной модели, однако если в рассмотренных выше языках идея нахождения внутри выражается через вспомогательный глагол («делая, находится»), то в удинском локативность маркирована непосредственно в падежной форме инфинитива («в делании есть»).

Заметим, что описываемая «отыменная» разновидность локативной модели достаточно нетипична для лезгинских языков. С другой стороны, структурно параллельная имперфективная форма отмечается в ряде тюркских языков, в т.ч. в АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ — ср. «настоящее длительное» типа *jaz-mag-da-jam* ‘я пишу (нахожусь в процессе писания, продолжаю писать)’, эквивалент которого в плане прошедшего образуется при помощи связки прошедшего времени (ср. *jaz-mag-da idi-m* ‘я писал тогда’) [Ширалиев, Севортян (ред.) 1971: 134—135, 137]. Показатель *-magda* представляет собой локативную форму на *-da* от инфинитива на *-mak*, т. е. полностью аналогичен удинскому *-sa*. Настоящее время, производное от инфинитива, имеется и в другом языке того же ареала, но относящемся к иранской группе — а именно, в ТАТСКОМ. В южном диалекте татского языка презенс состоит из инфинитива с префиксом *bä-* или *mi-* и связкой настоящего времени (формально не выраженной в третьем лице единственного числа), ср. *bä-bâftän* || *mi-bâftän* ‘плетет, ткет’; в северном диалекте префикс отсутствует [Грюнберг 1963: 68—69; Грюнберг, Давыдова 1982: 274—275]. Хотя в наличии префикса наблюдается диалектная вариативность, интересно, что по крайней мере префикс *bä-* имеет бесспорно локативное происхождение и связан с предлогом *bä*, обозначающим направление и местонахождение.

Учитывая вышесказанное, а также принимая во внимание тот факт, что презенс на *-(e)sa* является сравнительно недавней инновацией (по крайней мере, такая презентная форма отсутствовала в глагольной парадигме древнеудинского языка¹⁰), в его возникновении можно усматривать ареальное влияние.

4. Типологические параллели и проблема реконструкции

Итак, мы рассмотрели те глагольные формы лезгинских языков, в основе которых лежит локативная модель, т. е. исходная структура со значением ‘находиться внутри (ситуации)’. В нескольких лезгинских языках — АГУЛЬСКОМ,

настоящего времени (ср. условную реконструкцию типа **äšb-es-a* + COP ‘в-работании есть’ > *äšb-esa* ‘работает’), утраченная в современном языке.

¹⁰ По крайней мере в том его варианте, который представлен в кавказско-албанском палимпсесте, датируемом VI—X в. Подробнее о древнеудинской видо-временной системе см. [Girpert et al. 2009: II-48—II-52]; форма на *-s-a* упоминается там только в качестве дательного падежа инфинитива, используемой в целевом значении. Настоящее же время индикатива выражалось формой, совпадающей с презентной основой (и причастием настоящего времени) и не имеющей каких-либо специальных темпоральных аффиксов.

ТАБАСАРАНСКОМ, ЛЕЗГИНСКОМ, РУТУЛЬСКОМ и КРЫЗСКОМ — соответствующие формы включают деепричастие несовершенного вида и вспомогательный локативный глагол ‘находиться внутри’ (в настоящем либо прошедшем времени). В УДИНСКОМ языке представлена исходная структура другого вида — падежная форма инфинитива со значением ‘в делании, в процессе осуществления действия’, — в которой локативный компонент содержится в форме смыслового глагола, а не вспомогательного. Во всех языках соответствующие формы выражают значение несовершенного вида настоящего (либо, соответственно, прошедшего) времени и, как правило, являются основными формами презенса (либо имперфекта).

С семантической точки зрения происхождение имперфективных форм из локативной конструкции типа ‘находиться, делая’ или ‘находиться в действии’ вполне закономерно и типологически широко распространено. Вовлеченность субъекта в осуществление действия, нахождение ситуации в процессе развития метафорически представляется в данном случае через местонахождение субъекта непосредственно внутри ситуации, «в гуще событий». Соответствующие конструкции в языках мира могут включать как вспомогательные глаголы со значением местонахождения (причем не только ‘находиться внутри’, но и такие, как ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘жить’ и др.), так и падежную локативную форму отглагольного имени, а также различные предлоги и послелогии (типа ‘внутри’, ‘возле’ или ‘на’). Так, в НИДЕРЛАНДСКОМ предложении *Ik ben aan het studeren* ‘Сейчас я изучаю’ длительное значение выражается конструкцией с предлогом *aan* ‘на, возле’ и отглагольным именем [Bybee et al. 1994: 132], а буквальное значение примера из языка НГАМБАЙ нило-сахарской семьи *mīsī mūsā dā* ‘Сейчас я ем мясо’ можно передать как «я-сизу я-ем мясо» [Heine, Kuteva 2002: 277]¹¹. Возможно и двойное маркирование локативного компонента — как на смысловом, так и на вспомогательном глаголе (что мы видели выше на примере КРЫЗСКОГО языка).

Стоит отметить, что в целом построение основных видо-временных форм на основе локативной модели не очень характерно для нахско-дагестанских языков. В качестве внутригенетической параллели можно привести разве что ХИНАЛУГСКИЙ язык (ареально наиболее близкий именно лезгинским), в котором при помощи бытийного глагола *at-mä* ‘иметься, быть в наличии’ образуются «настоящее определенное» и имперфект, оба — в сочетании с причастием несовершенного вида, совпадающим с основой [Кибрик и др. 1972: 168 и сл.].

Так же, как и глагольные формы лезгинских языков, построенные на основе «целевой модели» (и рассмотренные в первой части работы), формы на основе «локативной модели» засвидетельствованы не во всех современных языках лезгинской группы. «Локативных» форм нет в ЦАХУРСКОМ, АРЧИНСКОМ и БУДУХСКОМ языках; а в УДИНСКОМ, как мы показали, структура «локативного»

¹¹ Ср. также другие примеры в исследовании [Bybee et al. 1994: 127—137], а также в справочнике путей грамматикализации [Heine, Kuteva 2002: 178—179, 202—203].

презенса отличается от той, которая представлена в прочих случаях. Учитывая типологическую распространенность подобного рода конструкций и прозрачность их семантической мотивации, можно предполагать, что соответствующие формы возникли и развились в индивидуальных языках независимо друг от друга. Возникновение их, безусловно, могло быть не чисто случайным — а, например, поддерживаться ареальным «трендом», — однако ничто не вынуждает нас считать существование подобных форм в современных языках именно рефлексом праязыкового состояния.

С несколько большей вероятностью можно проецировать «локативный» презентс / имперфект на уровень подгруппы — в частности, восточнолезгинской (АГУЛЬСКИЙ, ТАБАСАРАНСКИЙ и ЛЕЗГИНСКИЙ языки), — однако и такое решение не следует из имеющихся данных с неизбежностью. Постулировать аналитическую форму «деепричастие несовершенного вида + глагол ‘находиться внутри’» в правосточнолезгинском можно лишь в случае, если мы обладаем для данного уровня реконструкцией деепричастия несовершенного вида и реконструкцией глагола ‘находиться внутри’, а также уверены в том, что современные глагольные формы презенса и имперфекта восходят именно к сочетанию этих праязыковых архетипов. В настоящее время, однако, трудно судить о том, как функционировала деепричастная форма на *-*di* (хорошо представленная в агульском и табасаранском) в лезгинском языке, не вполне ясен и вопрос о соотношении агульско-табасаранского локативного глагола **a* ‘находиться’ и лезгинской именной связки *ja*. Поэтому возводить презентную локативную конструкцию на уровень более высокий, чем агульско-табасаранский, пока не видится оснований.

Обозначения

1, 2, 3 — лицо; I, II, III, IV — именные классы; ADV — наречный показатель; AOR — аорист; CONT — локализация «в контакте»; CONV — деепричастие; COP — именная связка; DAT — датив; ELAT — элатив; ERG — эргатив; EXCL — эксклюзивность; F — женский род; GEN — генитив; IN — локализация «внутри»; INF — инфинитив; IPF — несовершенный вид; LOC — локатив; LOCCOP — локативная связка; LV — служебный глагол; M — мужской род; PART — причастие; PERF — перфект; PFT — перфективно прошедшее; PL — множественное число; POST — локализация «сзади»; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; ST — отделяемая часть основы; SUPER — локализация «вверху».

Примечание. В примерах используется орфография на основе кириллицы либо латинская транскрипция, в зависимости от способа записи в источнике примеров. Транскрипция, а также морфемное глоссирование были незначительно унифицированы.

Литература

Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.

Бокарёв Е. А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960. [Переиздано в: Алексеев М. Е. (ред.) Гора языков... и еще один: К 100-летию со дня рождения Е. А. Бокарёва. М., 2006.]

Гайдаров Р. И., Гюльмагомедов А. Г., Мейланова У. А., Талибов Б. Б. Современный лезгинский язык. М., 2009.

Грюнберг А. Л. Язык североазербайджанских татов. Л., 1963.

Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. Татский язык // Основы иранского языкознания. Кн. 3: Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.

Керимов К. Р. Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков. Махачкала, 2002.

Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. М., 1977.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.

Курбанов К. К. Грамматический очерк табасаранского языка // Ханмагомедов Б.-Г. К., Шалбузов К. Т. Табасаранско-русский словарь. М., 2001.

Магомедов А. А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.

Майсак Т. А. Видо-временные системы лезгинских языков. 1. Формы от инфинитива // Алексеев М. Е. (ред.) Кавказский лингвистический сборник. Вып. 19. М., 2007. С. 69—80.

Майсак Т. А. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Ред. колл.: М. Е. Алексеев (отв. ред.), Т. А. Майсак (отв. ред.), Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер. М., 2008а.

Майсак Т. А. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Ред. колл.: М. Е. Алексеев (отв. ред.), Т. А. Майсак (отв. ред.), Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер. М., 2008б.

Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Система пространственных превербов в агульском языке // Плунгян В. А. (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002.

Махмудова С. М. Морфология рутульского языка. М., 2001.

Мерданова С. Р. Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора). М., 2004.

Ширалиев М. Ш., Севортян Э. В. (ред.) Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971.

Alekseev M. E. Rutul // Smeets R. (ed.) The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 4. Part 2. Delmar, NY: Caravan books, 1994.

Authier G. Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique

d'Azerbaïdjan). Paris: Peeters, 2010a.

Authier G. L'inessif du verbe en kryz et en budugh // Floricic F. (ed.) *Mélanges Denis Creissels*. Paris: Presses de L'École Normale Supérieure, 2010b.

Aydınov Y. A., Keçaari J. A. *Əlifba (Tietir)*. Bəkü, 1996.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. *The Caucasian Albanian palimpsest from Mt. Sinai. Edition and interpretation*. Turnhout: Brepols, 2009.

Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Nikolayev S. L., Starostin S. A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow, 1994.

Schulze W. *Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982.

Schulze W. *The Udi Gospels. Annotated text, etymological index, lemmatized concordance*. Munich/Newcastle: Lincom Europa, 2001.

Schulze-Fürhoff W. *The Udi language. A grammatical sketch* // Smeets R. (ed.) *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 4. Part 2. Delmar, NY: Caravan books, 1994.